

М.А. Аксенов

«Демолдовенизм» как основа современной политики памяти Молдовы на примере анализа школьных учебников по истории

Аннотация. Статья посвящена анализу политики памяти Республики Молдова через призму содержания школьных учебников по истории. Автор исследует противоборство двух идеологических нарративов: «румынизма» и «молдовенизма», которые определяют формирование национальной идентичности молодого поколения молдаван. Основной вывод работы заключается в том, что современная молдавская система образования целенаправленно продвигает «румынистский» нарратив, позиционируя Молдову как неотъемлемую часть румынской цивилизации, наследницы Римской империи. Учебники последовательно стирают различия между молдаванами и румынами, представляя их как единый народ, разделённый искусственно в советский период. Автор демонстрирует, что в учебниках младших классов (4—9) преобладает исключительно «румынистский» дискурс, создающий определённую базу исторического мышления. В старших классах (10—12) добавляется компонент «демолдовенизма» — критика советского периода как оккупации и навязывания искусственной молдавской идентичности. Исследование выявляет проблемные последствия такой политики памяти: риск декорпорации Гагаузии, минимизация возможности интеграции ПМР, ухудшение отношений с Россией и дестабилизация внутреннего состояния государства. Автор указывает на параллели с украинским кейсом, где подобная политика привела к социальному расколу и конфликтизации. Работа представляет значительный интерес для специалистов в области политики памяти, образовательной политики и национальной идентичности в постсоветском пространстве.

Ключевые слова: Образование в Молдове, «румынизм», «молдовенизм», «демолдовенизм», политика памяти, секьюритизация, виктимизация, декоммунизация, историческая идентичность.

Автор: Аксенов Максим Артурович, магистр международных отношений, преподаватель ГБОУ Школа № 1530 «Школа Ломоносова», независимый эксперт. ORCID: 0009-0001-0680-6297. E-mail: maksaksenov@gmail.com

Maxim A. Aksenov

“Demoldovenism” as the basis of contemporary memory politics in Moldova, based on an analysis of school history textbooks

Abstract. The article analyzes the memory politics of the Republic of Moldova through the prism of the content of school history textbooks. The author examines the confrontation between two ideological narratives: “Romanianism” and “Moldovenism”, which determine the formation of the national identity of the younger generation of Moldovans. The main conclusion of the work is that the contemporary Moldovan education system deliberately promotes the “Romanianist” narrative, positioning Moldo-

va as an integral part of the Romanian civilization, the heir to the Roman Empire. Textbooks consistently erase the differences between Moldovans and Romanians, presenting them as a single people, artificially divided during the Soviet period. The author demonstrates that in primary school textbooks (4–9), an exclusively “Romanianist” discourse predominates, creating a certain basis for historical thinking. In high school (10–12), a “demoldovenism” component is added — criticism of the Soviet period as an occupation and the imposition of an artificial Moldovan identity. The study identifies the problematic consequences of such memory politics: the risk of Gagauzia’s decoronation, the minimization of the PMR’s integration potential, the deterioration of relations with Russia, and the destabilization of the state’s internal situation. The author points to parallels with the Ukrainian case, where such a policy led to social division and conflict. The study is of significant interest to specialists in the fields of memory politics, educational policy, and national identity in the post-Soviet space.

Keywords: Education in Moldova, “Romanianism”, “Moldovenism”, “demoldovenism”, politics of memory, securitization, victimization, decommunization, historical identity.

Author: *Aksenov Maksim A.*, Master of International Relations, teacher at State Budgetary Educational Institution School No. 1530 “Lomonosov School”, independent expert. ORCID: 0009-0001-0680-6297. E-mail: maksaksenov@gmail.com

Введение

Исследования политики памяти на территории бывшего СССР демонстрирует процессы переформатирования постсоветского пространства в условиях геополитической конкуренции между Западом и Россией. Молдова в этой «конкуренции» занимает уникальное положение на пересечении европейских и евразийских интеграционных проектов, что делает её потенциальным полигоном для анализа механизмов конструирования национальной идентичности. К тому же процесс переориентации постсоветских государств на западные ценности и евроатлантические структуры, является одной из тем евразийских исследований.

Так же стоит отметить, что Молдова, находясь между Европейским союзом и Евразийским экономическим союзом, демонстрирует, как государство использует политику памяти для трансформации идентичности и переориентации своего населения с евразийского на европейский вектор развития.

События 1991 г. изменили главный исторический нарратив Молдавского государства, если ранее, при СССР преподавался интернационализм, то в новых реалиях и с провозглашением независимости Молдавии, в академических кругах начался спор между «румынистами» и «молдовенистами».

«Румынисты» черпают «свои доводы в первоначальной общности (в далеком прошлом) этнического массива валахов, в сохраняющейся языковой и культурной близости молдаван и румын, а также в факте принадлежности Молдавии к Румынии в 1918—1940 и в 1941—1944 гг.» [Гудименко, 2024, с. 24], считая необходимым прямое заимствование ключевых идей и тезисов румынской историографии, касающихся вопросов исторического развития, которые находятся в контексте националистического и антисоветского дискурса. При этом происходит полное отождествление молдаван с румынским этносом, что особенно замет-

но в академической среде и среди интеллигенции. Этот процесс отражает тенденцию к переосмыслению исторических фактов и формированию единой идентичности, что вызывает значительные споры и противоречия в обществе.

«Молдовенисты» «исходят из того, что молдаване являются самостоятельным и жизнеспособным этносом, обладающим давно сформировавшейся идентичностью и длительной исторической ретроспективой» [Гудименко, 2024, с. 24], в которой особое внимание уделяется событиям XX века. В этой интерпретации традиционно рассматриваются ключевые моменты, такие как Великая Отечественная война, которая представляется как важный этап в формировании молдавской идентичности. Период существования Молдавской Советской Социалистической Республики также получает положительную оценку, рассматривая его как время, когда молдавский народ смог укрепить свои культурные и политические позиции. В то же время, «молдовенисты» подвергают критике процессы румынизации, происходившие в 1920-х и 1930-х годах, утверждая, что они пытались подорвать уникальность молдавской культуры и идентичности. Сторонники этой идеологии настойчиво отстаивают мнение о том, что молдаване обладают собственной этнической [Кушко, 2012, с. 256—291] и национальной идентичностью, которая существенно отличает их от румын. Они подчеркивают, что исторические обстоятельства, такие как влияние различных культур и режимов, сформировали уникальные черты молдавского народа. Таким образом, «молдовенисты», находящиеся в тени «румынистической» политики Молдавского государства, стремятся создать альтернативную нарративную линию, которая бы утверждала самостоятельность молдавской нации и её историческую значимость. В результате такого подхода происходит переосмысление исторических событий, что вызывает активные дискуссии и споры в обществе о природе и будущем молдавской идентичности.

Итогом вышеописанного можно назвать внутренний кризис государственной идентичности что «тесным образом связано с понятием национальной идентичности» [Аксенов, 2024, с. 43]. На примере это выглядит как кризис оценок тех или иных ключевых исторических явлений, таких как Великая отечественная война, которая в одной трактовке показывает Молдову как жертву нацистской оккупации, и, следовательно, Великая Отечественная война — процесс освобождения молдавского народа [Офицеров-Бельский, 2020], тогда как в других «описаниях» акцент делается на смену оккупационных режимов, немецкого на советский.

После провозглашения независимости Республике Молдова, в стране возникла необходимость в формировании исторической памяти, которая бы отражала уникальность молдавской идентичности. В этом контексте особое внимание стало уделяться связям с Румынией, что стало важным элементом национального самосознания. Официальная символика Республики Молдова, включая флаг и гимн, отразила эту близость к румынской культуре. Например, после обретения независимости был принят флаг, который имеет много общего с румынским, подчеркивая общие корни двух народов. Кроме того, до 1994 г. в качестве государственного гимна в Молдове использовалась румынская песня «Проснись, румын!», что также свидетельствовало о стремлении укрепить связь с

Румынией. Валюта обеих стран, называемая лей, дополнительно символизировала экономическую и культурную близость между Молдовой и Румынией. Эти элементы официальной символики не только отражали исторические связи, но и способствовали формированию общественного мнения о единстве двух наций. Тем не менее, несмотря на такую близость, в обществе также возникли дискуссии о необходимости создания самостоятельной молдавской идентичности, что привело к противоречивым взглядам на историческую память. Некоторые группы выступают за усиление акцента на уникальности молдавской культуры и истории, что порой приводит к конфликту с румынским наследием. В результате этого процесса происходит переосмысление роли Румынии в молдавской истории и поиск новых нарративов, которые могли бы объединить различные аспекты молдавской идентичности.

Таким образом, конструирование исторической памяти в Республике Молдова стало сложным и многогранным процессом, в котором пересекаются как стремление к единству с Румынией, так и желание утвердить самостоятельность молдавского народа.

В результате, по аналогии с секьюритизацией — дискурсивного «процесса, посредством которого в политическом сообществе формируется восприятие того или иного фактора («Другого» — прим. авт.) в качестве значимой угрозы, а также понимание необходимости принятия срочных исключительных мер по ее разрешению и выражается соответствующий призыв» [Buzan, Wæver, 2003, p. 491], при том, что «другого» нужно рассматривать, с точки зрения подмены ««своего» «Другим». Когда «Другое» выступает привлекательным, желаемым, тогда суждения идентификации будут основываться не на собственных ценностных установках, а на желаемом или приятном, то есть зависят от образа «Другого» и от дискурса» [Лёвкина, Алимпиева, 2015, С. 91], была сформулирована идея «боев за историю», через призму «своё—чужое», где «своё — румынское: язык, история, государство», а чужое — «советское (русское): советская история, русский язык, Российская империя» [Лёвкина, Алимпиева, 2015, с. 52]. Таким образом, такой вариант описания событий «дает возможность дестабилизировать установившийся «здоровый смысл», избобличая его политический характер» [Байша, 2021, с. 9], где под здоровым смыслом подразумевается «процесс, влекущий за собой разрушение этого самого смысла, который начинает восприниматься как «порабощающий» и мешающий представить альтернативные, более справедливые варианты мироустройства» [Байша, 2024, с. 8].

При этом, не смотря на довольно акцентированные нарративы, в курсе преподавание истории с 1991 не было четкого «пути», и если с 1991 г. основой была идея «большой румынской нации», то в 2006 появился курс «интегрированной истории», который вызвал протесты «румынистов». Своеобразным компромиссом должен был стать лозунг «С Россией и с Европейским Союзом», однако не стал. Возможную причину можно найти в работе американского исследователя инструментализации и политизации истории в постсоветских странах Элизабет Андерсон, которая в своей книге «Национальная идентичность и образовательная реформа: спорные классы» посвятила молдавскому вопросу главу «Молдавские герои. Обзор молдавской истории в постсоветских учебных пособиях и со-

циальной памяти», в которой указывает на широкий размах дискуссии об историческом прошлом, в которую включились не только профессионалы, но и «таксисты и домохозяйки» [Байша, 2024, с. 20]. «Опыт включенного наблюдения в Кишинёве и Комрате авторов данной статьи и материалы взятых ими в августе—сентябре 2016 г. экспертных интервью подтверждают суждение американского исследователя» [Фадеева, 2017].

В то же время румынский нарратив продолжал оставаться преобладающим в академической среде Республике Молдова. В течение 1990-х и 2000-х годов было опубликовано множество научных работ, которые поддерживали прорумынскую ориентацию. В общеобразовательных школах даже вводился специальный курс, посвященный «Истории румын» [Воронович, 2018, с. 204—230], что свидетельствовало о значительном влиянии румынской идентичности на образовательную систему. Этот курс стал важным элементом формирования исторической памяти у молодежи и способствовал укреплению румынских культурных связей.

С приходом к власти молдавских коммунистов в начале 2000-х годов произошли изменения в политике памяти, которые временно сместили акцент с румынского нарратива на более умеренные взгляды, представленные так называемыми «молдовенистами». Эти «молдовенисты» стремились подчеркнуть уникальность молдавской идентичности и историю, независимую от румынского влияния. Однако политический кризис 2009 г. и последующая победа прозападной оппозиции вновь усилили позиции «румынистов». Это привело к тому, что в стране возобладали восточноевропейские тренды в политике памяти, включая декоммунизацию и акцент на «советской оккупации».

В 2009 г., следуя примеру Румынии, Латвии и других стран Восточной Европы, официальный Кишинёв создал «Комиссию по изучению и оценке коммунистического тоталитарного режима в Республике Молдова». Этот шаг был направлен на переосмысление роли советского периода в истории страны. С 28 июня 2010 г. был объявлен «День советской оккупации и памяти жертв тоталитарного коммунистического режима», что также подчеркивало новую парадигму восприятия советского прошлого. В 2012 г. был принят закон о декоммунизации, который запрещал использование коммунистической символики, что еще больше укрепило этот новый нарратив.

Таким образом, в современной Молдове, подобно странам Балтии, период нахождения в составе СССР воспринимается как «советская оккупация». Однако, в отличие от Прибалтийских республик, Украины и большинства стран Восточной Европы, в молдавском историческом дискурсе продолжается активная борьба между сторонниками «румынистов» и «молдовенистов». Исход этой борьбы во многом зависит от политической конъюнктуры и электоральных циклов. Этот «дуализм» в оценочных суждениях затрагивает всю область исторического дискурса, особенно события XX века.

Кардинальные различия в интерпретации касаются обстоятельств инкорпорации Молдовы в состав СССР. Сторонники «румынистов» утверждают, что это было результатом «советской оккупации», тогда как «молдовенисты» настаивают на том, что это произошло добровольно и было воспринято как освобождение. Такое противоречие создает сложную ситуацию для понимания молдавской ис-

тории, где разные группы населения могут иметь диаметрально противоположные взгляды на одни и те же события.

Эти разногласия также отражаются на уровне общественного сознания. Обсуждение исторических событий XX века становится полем для политических манипуляций, где каждая сторона пытается использовать историю для достижения своих целей. В результате этого политизированного подхода к истории формируется общественное мнение, которое часто оказывается разделенным. Дискуссии о прошлом затрагивают не только академическую среду, но и повседневную жизнь граждан, влияя на их идентичность и самоощущение.

Преподавание истории начинается в конце начальной школы, т. е. в 4 классе, где дети знакомятся с основными историческими нарративами, которыми их будут обучать. По сути дела, учебник представляет из себя набор кратких, адаптированных под четвероклассников, историй. Далее следует полный исторический экскурс в средней школе 5—9 классы, и повторение, с большим углублением, с учетом уже возрастной категории 10—12 классы.

«Румынизм» в средней школе

Как правило всевозможные теоретизирования вокруг трактовок тех или иных исторических процессов не могут сами по себе повлиять ни на политику государства, ни на политику нации. Важно, чтобы эти идеи понимались людьми так, как угодно, действующему правительству, таким образом будет создаваться народ, воспитанный в нарративе нужной политической идеи, что даст возможно строить долгосрочную политику, что и делается через систему образования.

Уже в учебнике 4 класса фигурирует явственный «румынисткий» нарратив, создающий базу исторического мышления и восприятия Рим-Бухарест, или молдаване, через румын, являются прямыми наследниками римлян: «После захвата Дакии римляне установили на завоёванной территории свои законы и обычаи, превратив её в римскую провинцию. С этого времени, живя и трудясь вместе, даки и колонисты заимствовали друг у друга разговорный язык, традиции, обычаи, религию. Таким образом, происходил процесс романизации даков, в результате которого сформировался новый народ — дако-римляне, прямые предки румын, и новый язык — румынский» [Чербушка, 2020, с. 26]. Однако автор не может не заметить, что с тем же успехом прямыми потомками римлян могут быть и французы, через галло-римлян, есть и другие аналогичные примеры.

Уже в следующей главе рассказывается о становление «Цара Романеска и Цара Молдовой»: «Первые румынские государства основали воеводы Драгош I и Богдан I — Цара Молдовой, а Басараб I — Цара Румынскэ. Они были отважными воеводами и храбро сражались за независимость румынских княжеств» [Чербушка, 2020, с. 28]. При этом мягко намекается на несамостоятельность молдавских территорий: «...воевода Драгош I из Марамуреша... выгнал захватчиков и основал государство/княжество Цара Молдовой (или Молдова), которое, однако, находилось под властью короля Венгрии» [Чербушка, 2020, с. 28]. В дальнейшем автором учебника указывается, что «Богдану I, удалось в 1359 г.

освободить Цара Молдовой от венгерской зависимости» [Чербушка, 2020, с. 28], но при этом читатель должен задаться вопросом, а идет ли разговор об истории Молдовы, так как уже следующая глава, которая по идеи должна описать развитие молдавской государственности называется: «Укрепление румынских княжеств» [Чербушка, 2020, с. 29].

В данной главе описывается деятельность Александру чел Буна, известного так же, как Александра I Доброго, которого в принципе можно описать именно как молдавского господаря, т. е. с точки зрения молдавской государственности, как независимого правителя. Тогда почему же глава называется так?

А само объединение Румынии и Молдавии описано в учебнике таким образом, будто этого в Молдове хотели все, кроме правителя: «В 1600 году его армия перешла Карпаты и вошла в Цара Молдовой. Господарь Иеремия Мовилэ был враждебно настроен по отношению к планам Михая-Водэ, но не был поддержан народом и вынужден был бежать из Молдовы. Теперь под властью Михая Витязул оказались все румынские земли» [Чербушка, 2020, с. 34]. Можно провести следующую аналогию, что Наполеон отрекся от престола, потому что так хотели французы, а не потому, что в Париж входила русская армия. И снова бросается в глаза «все румынские земли». Учебник заранее подготавливает своего читателя, что молдаван нет, есть румыны, и всеми способами на это намекает: «Таким образом, впервые в истории осуществилось объединение всех румынских земель в единое государство. Объединение длилось недолго, но создало предпосылки для сплочения румынского народа» [Чербушка, 2020, с. 34]. Как и в ситуации с учебниками в Украине [Аксенов, 2024], юный читатель не понимает никакой разницы между народностями, этносом, культурой и пр., получая только маленькое зернышко идеи, которое в последствие будет развиваться, воспитывая из него человека, самоопределившегося как румына.

По аналогии с украинским кейсом, фигурирует и глава посвященная ЕС: «Европа — союз свободных народов» [Чербушка, 2020, с. 42], в которой рассказывается о том, что «республика Молдова стремится к интеграции в большую семью Европейского союза наряду с 27 другими демократическими государствами» [Чербушка, 2020, с. 42], при этом там-же приводится пример, незаметный для читателя, деккоммунизации советского прошлого: «День 9 мая был объявлен Днём Европы. В этот день во всех европейских странах проходят культурные и научные мероприятия». Таким образом праздник остался, сменилась только его суть.

Своего рода итогом главного нарратива учебника 4 класса становится глава № 15: «1918 год в истории»; в которой сообщается о создании независимого, свободного румынского государства: «Территория между Прутом и Днестром — значительная часть Цара Молдовой — более века находилась в составе Российской империи (1812—1918) и называлась Бессарабией. В 1918 г. избранные народом представители (депутаты) проголосовали за объединение Бессарабии с Румынией. Акт Объединения был провозглашён 27 марта 1918 г. в Кишинёве. В этом же году к Румынии были присоединены Буковина (28 ноября) и Трансильвания (1 декабря). Таким образом произошло воссоединение румынского народа в границах единого государства — Румынии» [Чербушка, 2020, с. 38]. Что соответствует нарративу, что Молдова и Румыния одна страна.

Учебник 5 класса описывает события от происхождения человека, до заката римской империи, и продолжают, хоть и не очень явственно, идею наследования Румынией, через Дакию, Римской цивилизованности: во первых, «романизация завоеванных народов вошла в историю Европы как первая «интеграция» [Феля, Долгий, Герасим, Ревенко-Бырладяну, 2023, с. 132]; во вторых «наиболее глубокой была романизация в областях, близких к Италии и Лациуму... а в Восточной Европе — Дакия. В этих регионах по сей день живут романские народы (испанцы, итальянцы, французы, румыны) и сохраняются романские языки (испанский, итальянский, французский, румынский)» [Феля, Долгий, Герасим, Ревенко-Бырладяну, 2023, с. 132]. То есть учебник продолжает идею «Румынизации» через призму исторического наследия Рима, делая акцент на романизацию в римских провинциях: «Романизованное население — дако-римляне — стояло у истоков процесса формирования румынского народа и румынского языка» [Феля, Долгий, Герасим, Ревенко-Бырладяну, 2023, с. 148].

Учебник 6 более подробно развивает идеи объединения государства под эгидой общего врага, которым выступает османская империя: «Господство Трансильвании и призывы к антиосманской борьбе побудили Михай Витязул вовлечь Молдову в общую борьбу, но нахождение Иеремии Мовилэ на престоле Молдавского княжества представляло постоянную опасность. В мае 1600 г. Михай Витязул завоевал Молдову, мотивируя это союзом Иеремии Мовилэ с турками и татарами. С завоеванием Молдавского княжества закончился политический союз Румынских княжеств, а Михай стал именоваться в документах как господарь Валашского княжества, Ардяла и Молдовы» [Феля, Болдума, Долгий, 2023, с. 111].

Учебник 7 класса сходу выставляет внутреннюю проблему государства — отсутствие единения и зависимость от Порты: «В то же время был установлен размер дани (харач): для Цара Ромыняскэ — 32 тысячи золотых, для Молдовы — 30 тысяч, для Трансильвании — 10 тысяч золотых. Однако, начиная с 70-х годов XVII века, османский режим ужесточается...» [Чербушка, Драгнев, Ожог, 2024, с. 44]. В глаза бросается перечисление государств: Румыния, Молдова, Трансильвания; как некое, потенциальное, единое целое, во главе с первым. Так же стоит отметить, что и в последующих исторических процессах государства Румынии и Молдовы, упоминаются вместе: «Польша попытались втянуть в антиосманскую борьбу господарей Молдовы и Цара Ромыняскэ...» [Чербушка, Драгнев, Ожог, 2024, с. 49].

В дальнейшем идет описание влияния нового времени на быт «румынских княжеств», и снова, с учетом того, что учебник молдавский, в первую очередь фигурирует: «Граф де Лоуренсон писал: «Вена продает в Валахии множество самых элегантных карет. Я думаю, что если принять во внимание население, то в Европе не так много городов, где можно найти такое большое количество экипажей, как в Бухаресте»» [Чербушка, Драгнев, Ожог, 2024, с. 80]. Даже тематическое исследование городов данное в конце параграфа, описывает не Кишинев или Тирасполь, а «Бухарест и Яссы» [Чербушка, Драгнев, Ожог, 2024, с. 81].

Итог Русско-турецкой войны 1806—1812 годов тоже описывается в пользу точки зрения «румынистов»: «В результате захвата территории Молдовы между Прутом, Днестром и Чёрным морем, а также разделом страны были разделены

семьи и их собственность, нарушен внутренний рынок княжества и целостность территории, населенной румынами» [Чербушка, Драгнев, Ожог, 2024, с. 84]. То есть по мнению авторов учебника, на этих территориях молдаван нет.

«Революция 1821 года под руководством Тудора Владимиреску» [Чербушка, Драгнев, Ожог, 2024, с. 94] так же является примером, когда события соседней по сути страны, преподаются как собственные. Более того участие Молдовы, даже по тексту учебника, выглядит косвенным: «В этот период гетеристы во главе с А. Ипсилянты пересекли границы Молдовы с одобрения царских властей» [Чербушка, Драгнев, Ожог, 2024, с. 95]. При этом ранее по тексту следую, что Ипсилянты собирал войска для революции в Греции.

И вот, в описание культуры XIX века появляется четко обозначенная причина единения Молдавского и Румынского народов, при это в качестве примера дается цитата Якоба Хынку (Гинкулова) из Русско-румынской грамматики, 1840 г.: ««До образования Молдавского воеводства жители обоих княжеств (Молдовы и Цара Ромыняскэ) были известны под общим названием румын» [Чербушка, Драгнев, Ожог, 2024, с. 120]. То есть, если проводить параллели, выходит, что славяне разделились на различные, более мелкие, этносы, а румына наоборот, объединились из двух в один.

Интересно обратить внимание, что для учебника нет никакой разницы, к какому государству принадлежит та или иная территория, если на этой территории проживают только румыны: «Иная ситуация была в трех уездах Южной Бессарабии, которые после Парижского мирного конгресса (1856 г.) вернулись в состав Молдавского княжества, а затем в состав Румынии» [Felea, Dolghi, Gumenai, Revenco-Birladeanu, 2024, p. 117]. Фактически подтверждается отсутствие суверенитета у Молдавского государства, и подается как норма.

Косвенное подтверждение данного тезиса есть и в учебнике 9 класса, первая половина которого, что видно из оглавления, посвящена именно Румынскому кейсу: «Румыния в годы Первой мировой войны», «Формирование унитарного Румынского национального государства...», «Румыния в межвоенный период» [Долгий, Фея, 2023, с. 4] и пр.

Упоминание Молдовы происходит, только в свете ее присоединения к Румынии: «После принятия Декларации о независимости Молдавской демократической республики... декларация об объединении Бессарабии с Румынией была поставлена на голосование и принята» [Долгий, Фея, 2023, с. 22].

Параграф посвященный образованию Молдавской Автономной Советской Социалистической Республике (МАССР) мог бы быть примером классического спора между «румынистами» и «молдовенистами», так как по сути идет разговор о создании нового общества, однако уже в самом начале дается четкий нарратив, что МАССР, по сути, создан не без помощи румын, что, как бы, отсекает идею самостоятельности: «Инициатива создания молдавской республики на левом берегу Днестра принадлежала группе, состоящей из 10 коммунистов: Павел Ткаченко (И. Антипов), С. Тимов (Сол. Тинкельман), Г. Котовский — родом из Бессарабии, и Ион Дик-Дическу (И. Кантон), Ал. Бэдулеску, Т. Диамандеску, А. Залик, В. Попович, А. Николау, Т. Киоран — политические эмигранты из Ру-

мынии, которые написали Докладную записку о необходимости создания Молдавской Советской Социалистической Республики» [Долгий, Фея, 2023, с. 70].

Следующий удар по «молдовенистам» наносится путем объяснения насильственности разъединения двух культур, молдавской и румынской: «процессе молдованизации антирумынской природы, целью которой являлось утверждение тезиса о существовании двух разных языков, двух разных культур, двух разных наций — молдавской нации, отличной от румынской, путем навязывания поддельного молдавского литературного языка» [Долгий, Фея, 2023, с. 71], таким образом читатель должен сделать следующий вывод, что СССР, методом раздвигая и властвуя, уничтожило единое Румынское государство, культуру и прочие, и следовательно имеет право дать следующую оценку: «Коммунистический тоталитарный режим несет ответственность за подавление и уродование национального самосознания коренного населения, подавление свободного духа, организацию культурной, самобытной, пропагандистской и информационной войны между братьями с двух берегов Днестра, что привело к драматическим последствиям для языковой и этнокультурной целостности населения» [Долгий, Фея, 2023, с. 72]. Итогом становится научная конференция «17—19 октября 1955 г., организованной Молдавским отделением Академии наук СССР, была признана «румынско-молдавская» языковая и культурная идентичность, без отрицания термина «молдавский язык»» [Долгий, Фея, 2023, с. 154].

Не удивительно, что с учетом вышеописанного, учебник назвал советизацию «уродованием национального самосознания», возникает риторический вопрос почему? Нериторический ответ кроется в параграфе посвященный румынской (опять не молдавской) культуры: «После создания унитарного национального государства культурное развитие Румынии выразилось в открытости к европейской культуре, не отрицая при этом ценности национальной специфики» [Долгий, Фея, 2023, с. 77]. То есть перед читателем должен возникнуть образ весов Фемиды, где на одну чашу кладут «советизацию», а на другую потенциальную «европеизацию». При такой подаче, куда склонятся весы понятно.

Как известно, СССР была первой страной, которая решила проблему безграмотности населения, учебник же, акцентирует внимание не на этом: «Политика в области образования и культуры была направлена на воспитание нового советского человека и ликвидацию неграмотности, но в действительности она преследовала цель денационализации и русификации населения Бессарабии, продолжая проводившуюся в МАССР политику пропаганды «молдавского языка» и «молдавского народа», отличающихся от румынского» [Долгий, Фея, 2023, с. 100]. Таким образом нивелируется одно из самых главных и положительных достижений советского государства.

Освобождение МССР в учебнике описывается как «повторная оккупация» [Долгий, Фея, 2023, с. 144], при этом снова негативно акцентируют на русификации населения: «Число «молдавских» школ постоянно снижалось, а «русских» и «молдо-русских» школ — увеличивалось. На официальном уровне для этнических меньшинств (гагаузов, украинцев, болгар, евреев) поощрялось обучение на русском языке. Денационализация меньшинств и формирование русскоязычной

идентичности укрепляла их статус и позицию Москвы, которая могла рассчитывать на их лояльность» [Долгий, Фея, 2023, с. 144].

Проблема языка описывается в учебники достаточно эмоционально, так «Русский язык из языка международного общения стал государственным. Он стал официальным языком в центральной и местной администрации, во всех государственных учреждениях, на предприятиях и т. д. Румынский язык (известный как «молдавский») был маргинализирован» [Долгий, Фея, 2023, с. 198]. В глаза бросается «румынский известный как молдавский», т. е. снова попытка подвести читателя к мысли о полном единении молдавской и румынской культуры. А обязательное, бесплатное образование в СССР подается через негативную призму инструмента «коммунистической идеологии» [Долгий, Фея, 2023, с. 199].

Период «перестройки», по сути, воспевается. Так учебник дает положительную оценку национальному движению в МССР, которое «делало акцент на возвращении к национальным ценностям, знании подлинной истории нации, получении политических и гражданских прав, подтверждении национальной идентичности» [Долгий, Фея, 2023, с. 173]. Описывается путь к независимости, и акцентируется на давнюю дружбу Молдавии и Румынии: «Первой страной, признавшей независимость Республики Молдова, была Румыния» [Долгий, Фея, 2023, с. 175].

В начале нулевых к власти в Молдове пришла коммунистическая партия, которая попыталась двигать государство в «молдовенистском» дискурсе, что авторами оценивается не просто негативно, но еще и антидемократично: «Правительство ПКРМ пересмотрело внутреннюю и внешнюю политику предыдущего периода, приняло ряд законов и решений, которые блокировали процесс демократизации общества. Во время правления ПКРМ были попытки внедрить в образование курс «История Молдовы» в духе советской историографии...» [Долгий, Фея, 2023, с. 181]. А описание действия власти нацеленное на евроинтеграцию описываются как: «Продемократические и проевропейские правительства заявляли о смелых реформах и европейской интеграции как о главных приоритетах. Они вселили в население большие надежды, активизировав отношения с ЕС» [Долгий, Фея, 2023, с. 181]. Т.е. если государство не движется в сторону еврозоны, то это плохо.

Старшая Школа

Учебник 10 класса, как и его предшественники, продвигает тему «румынизации» через идею Рим-Бухарест, ставя в своем повествовании в один ряд и правителя Рима и правителя Дакии: «Цезарь одержал победу в гражданской войне и, вероятно, готовился к войне против даков, но в марте 44 года до н. э. он был убит. В том же году при схожих обстоятельствах умер и Буребиста» [Магальяс, Вакарчук, 2024, с. 62]. Почему нельзя было более подробно описать смерть двух этих правителей и провести параллели, остается загадкой. Возникает ощущение,

что Цезаря убили как раз за его «вероятный поход», тогда схожие обстоятельства гибели Даковского правителя говорят о том же?

Затем описывается польза присоединения Дакии к Риму: «Золотые и серебряные шахты Дакии внесли в экономику Рима 700 миллионов динариев в год» [Магальяс, Вакарчук, 2024, с. 68]. И ставя идейную точку в итогах «романизации» Дакии: «Массовая колонизация, появление городов, построенных по римскому образцу (с форумами, храмами, мастерскими и магазинами, термами и памятниками), принятие местными жителями римских богов, а также распространение христианства способствовали успешной романизации» [Магальяс, Вакарчук, 2024, с. 71].

Также постулируются и еще несколько важных мыслей для читателя, способствующие формированию национальной идентичности. Во первых: «Фрако-гето-дакийская цивилизация — часть европейской цивилизации» [Магальяс, Вакарчук, 2024, с. 92]; во вторых: «Романизация гето-даков происходила одновременно с зарождением христианства, поэтому можно утверждать, что эта религия стала важным элементом этногенеза, а ее распространение подтвердило необратимую романизацию даков и дако-римскую преемственность» [Магальяс, Вакарчук, 2024, с. 111].

Итогом эволюции Даков можно считать Романские народы, которые «сформировались к VIII веку н. э. Появление романских народов и неолатинских языков было европейским процессом, вызванным двойной ассимиляцией» [Магальяс, Вакарчук, 2024, с. 130]. Таким образом подтверждает два «не озвученных» тезиса: первый, Романские народы наследники Дако — Римской цивилизации; второй, это именно европейские процессы.

Далее следует описание появления Трансильвании как государственного образования, Царэ Ромыняскэ [Магальяс, Вакарчук, 2024, с. 149—151], и только после этого молдавское государство. «Исторический процесс образования средневекового государства Молдова похож на процесс, проходивший в южной части Карпат, где была создана прочная и независимая политическая структура северодунайских румын» [Магальяс, Вакарчук, 2024, с. 152]. Т.е. снова учебник причисляет молдаван к румынам, не выделяя их в отдельную нацию, даже когда разговор идет о положение государства в европейской политике: «Став приморским государством, Цара Молдовой укрепила свое международное положение, и началось политическое, экономическое и культурное развитие румынского народа на территории между Карпатами, Днестром и Черным морем» [Магальяс, Вакарчук, 2024, с. 154].

Ключевые события средневековья двух государств описываются вместе, намекая на общий исторический контекст, как пример, название параграфа учебника «Укрепление позиций Молдовы и Цара Ромыняскэ во время правлений Мирчи чел Бэтрын и Александру чел Бун» [Магальяс, Вакарчук, 2024, с. 186], описывающий внутренние процессы. Внешние процессы описаны так же: «В 1476 году при поддержке своего кузена Штефана чел Маре Влад Цепеш вернулся на трон Цара Ромыняскэ, но вскоре был убит. В этих условиях центр тяжести антиосманской борьбы переместился в Молдову, на троне которой находился Штефан чел Маре» [Магальяс, Вакарчук, 2024, с. 189].

Штефан чел Маре подается как румынский политик: «Он взошел на престол в 1457 году... В это время Золотая Орда переживала период упадка, а Румынские государства, несмотря на участие в антиосманской борьбе, сталкивались с внутренними разногласиями» [Магальяс, Вакарчук, 2024, с. 191]. О том, что речь идет все таки о Молдове, читателю, если он ранее никогда не сталкивался с этим деятелем, становится ясно только с середины параграфа: «Непокорность Штефана вынудила султана направить против Молдовы армию...» [Магальяс, Вакарчук, 2024, с. 192].

Итогом учебника становится синтез «Румынская цивилизация — неотъемлемая часть процессов европейской эволюции» [Магальяс, Вакарчук, 2024, с. 237], подтверждающий базисные постулаты о неотъемлемости Молдовы от Румынии, и Румынии от Европы.

Учебник 11 класса впервые упоминает Молдову в параграфе посвященном обществу «...Румынских княжеств в XVII—XVIII вв.» [Кикуш, Шаров, Ожог, 2020, с. 16], т. е. снова продолжая мысль о единении, методом постоянного упоминания «Румынских княжеств» вместе по любым вопросам: «В Молдове одна деревня насчитывала в среднем 15—50 дворов, в Валахии — 25—70 дворов, а в Трансильвании — до 100 дворов» [Кикуш, Шаров, Ожог, 2020, с. 28].

Анализируя события XVIII века, авторы, снова, подтверждают тезис о единении Румынии и Молдовы, объединяя их в «дунайские княжества»: «XVIII век отмечен множеством войн между Османской, Российской и Австрийской империями с целью передела границ Юго-Восточной Европы. Дунайские княжества находились на стратегически важных территориях региона и явились сферой противоречий великих держав. Это привело к изменению их юридического статуса и к значительным территориальным потерям» [Кикуш, Шаров, Ожог, 2020, с. 99]. А в описании событий следующего века, а именно рассматривая бессарабский вопрос, авторы впрямую говорят, что разрыв между Румынами и Молдаванами процесс целенаправленный и следовательно искусственный: «Русские и советские историки писали о 1812 году как о «прогрессивном событии присоединения Бессарабии к России», приводя как аргумент ее растущее экономическое развитие в XIX веке, но забывая о денационализации и русификации, о подавлении национального движения, об изоляции местных жителей от румынской культуры — т. е. о процессах, которые имели неблагоприятные последствия в истории румын» [Кикуш, Шаров, Ожог, 2020, с. 105]. При этом, по сути, под Бессарабией читатель должен понимать и Молдову, и Румынию.

«Объединение» происходит в 32 параграфе и было обусловлено «исторической эволюцией румынского народа и некоторыми факторами внутреннего и внешнего порядка» [Кикуш, Шаров, Ожог, 2020, с. 137], снова отмечается, что под румынами подразумеваются и молдаване.

В учебнике 12 класса при описании деятельности румынского государства на полях первой мировой войны пролонгируется тезис единения румын и молдаван как сыновей «одного народа» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 31], таким образом сохраняя главный «румынистский» нарратив: «Благодаря войне бессарабцы смогли переправиться через Прут в Западную Молдавию, где поняли, что по обе стороны реки живут люди одной национальности, с одним

языком, обычаями и верованиями, знания о которых до тех пор были распространены скорее среди интеллигенции. Бессарабцы были глубоко впечатлены реальностью» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 31]. Возникает вопрос, какой вывод сделает читатель, видимо задача, в данном контексте, напомнить, что разделение было насильственным, и начиная с XX века появилась возможность реального самостоятельного «исторического» объединения. В подтверждение сказанному в учебнике написано: «Возвращение Бессарабии в состав Румынского государства происходило в несколько этапов и — как и в других исторических румынских провинциях — носило глубоко народный характер» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 32]. При этом авторы сами себе противоречат, не стесняясь писать, что бессарабское объединение все же контролировалось с «запада»: «Для Бессарабии Объединение 1918 г. стало предпосылкой для политической, социально-экономической и культурной модернизации, которая происходила в рамках процесса распространения ценностей и форм институциональной и экономической организации с Запада через румынских руководителей» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 35]. Итог следующий: «В результате социальных, экономических, политических и культурных изменений унитарное румынское национальное государство к концу 1918 г. включало в себя все исторические румынские провинции» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 37], в которые, разумеется, входит и территория современной Молдовы.

Если ранее, в основном, все идеи носили, в первую очередь, «румынистский» характер, то в учебнике последнего класса проявляется прямой «демокловенизм», суть которого доказать, что совместное молдавско-советское прошлое было негативным и навязанным: «В МАССР были установлены политические структуры, характерные для тоталитарного большевистского режима на всей территории Советского Союза» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 85]. А с учетом того, что тоталитаризм воспринимается читателем, как зло, то вывод напрашивается сам собой.

Следующая мысль в пользу «демолдовенизма»: «Репрессии и социальный контроль осуществляла охранная организация НКВД, которая играла решающую роль в поддержании порядка и лояльности к системе» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 85]. А СНК и ЦИК «сыграли ключевую роль в проведении тоталитарной политики на территории МАССР» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 85].

Голод 1932 г. описывается как часть «голодомора в Советской Украине» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 86].

Индустриализацию подают тоже с негативной позиции, т. е. нивелируя потенциальный положительный опыт, с одной стороны описываются положительные моменты: «К концу 30-х годов в МАССР действовало более 2500 предприятий» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 87]; с другой: «Индустриализация далась населению дорогой ценой: чрезмерное налогообложение и непропорционально высокие цены. Сталинский режим ввел косвенные формы эксплуатации, включая «социалистические соревнования». Рабочим часто плохо платили, и у них не было нормальных условий труда» [Долгий, Фея, Енчу,

Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 87]. Уже из этого читатель подсознательно делает вывод о том, что идея «молдовенизма» ложна. А подтвердит этот вывод: «Важным процессом в этом направлении стала молдовенизация, которая носила антинациональный и антирумынский характер. Советы поддерживали тезис о существовании молдавской «нации», отличной от румынской» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 87].

А уже дальше учебник возвращается к привычной теме «румынизма», подавая историю двух государств как единое целое в параграфе «Бессарабия в составе Великой Румынии», где «Из 370 109 жителей бессарабских городов 114 896 проживали в Кишиневе, который стал вторым по величине городом Румынии после Бухареста с 639 040 жителями» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 103].

Присоединение Бессарабии в учебнике описывается как аннексия [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 117], границы МССР «чертил» Киев [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 120], но особенно в глаза бросается, что немцы из Бессарабии были «эвакуированы и репатрированы» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 121], а оставшиеся колонизированы, что соответствовало «политики русификации и сокращения доли румын на оккупированных территориях» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 121].

Тема развивается и в параграфе посвящённому восстановлению «коммунистического режима в МССР. Насильственная коллективизация, голод и депортации» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 178], коннотация резко негативная, при этом в контексте фигурирует вина не сколько всего СССР, сколько, непосредственно, России: «Политика коммунистического режима в послевоенной Бессарабии прошла два основных этапа: сталинский (1944—1953), когда использовались преимущественно насильственные и репрессивные методы, и постсталинский (1953—1989), когда советская политика проводилась в большей степени административными и относительно мирными методами. Первый этап характеризовался чрезмерной фискальной политикой, осуждениями и депортациями «классовых врагов», организованным голодом, насильственной коллективизацией сельского хозяйства. На втором этапе советская имперская политика проявилась в интенсивной русификации, маргинализации интеллигенции и национальной культуры, румынофобии, создании экономики, полностью зависимой от других союзных республик и в первую очередь от РСФСР...» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 179]. Что снова должно подводить читателя к мысли, что идея «молдовенистов» неприемлема. Более того, чтобы подчеркнуть, что «совместный опыт» носит отрицательный характер, описание голода даются как четкая линия политики И.В. Сталина: «Сталинская налоговая политика имела тяжелейшие последствия для населения Молдавской ССР, вызвав в 1946—1947 гг. беспрецедентный в истории области голод» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 180]. Итог параграфа: «Таким образом, после повторной аннексии 1944 г. СССР установил в Бессарабии тоталитарный большевистский режим, основным элементом которого был массовый террор по отношению к коренному населению» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 182].

Легкая, завуалированная, демонизация «молдовенистов» появляется в следующем параграфе, как бы показывая, что если советизация — зло, как показывалось в предыдущем параграфе, то «молдовенизм» искусственный и навязанный: «Нарушение самых элементарных прав и свобод граждан сопровождалось маргинализацией национальных ценностей и навязыванием чужеродной модели» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 183]. Более того, «модель» эта создана через террор: «С момента создания МССР советский режим показал, что террор является наиболее подходящим инструментом как для создания новой организации, так и для воспитания «советских молдаван»» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 219].

Следовательно, следует показать научную искусственность «молдовенизма», для чего в учебнике сообщается, что «...бессарабские интеллектуалы, которые открыто высказывались о языковой политике и термине «молдавский язык». Среди них были Ем. Буков, А. Лупан, В. Коробан, Г. Богач, В. Комарницкий и другие, которые на основе лингвистических доказательств боролись против «молдовенизма», доказывая латинское происхождение языка и его связи с румынским» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 220].

Также следует отдельно выделить, что учебник целенаправленно вступает в спор с конституцией Молдовы по поводу языка следующим образом, в главе посвященной конституции указывается, что «Несмотря на то, что Конституция содержит ложную формулировку о государственном языке, называя его «молдавским языком»...» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 238]. Читатель, в данном кейсе, либо начнет воспринимать главный документ страны несерьезно, либо же несерьезно свой «родной» язык.

Не обошлось без критики в адрес бывшего президента Молдовы В. Воронина, причина в том, что «Тенденция к введению курса «История Молдовы» «в духе советской историографии», а затем «Интегрированной истории» серьезно повлияла на историческое образование» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 239]. То есть нарратив преподавания стал «молдовинизм», к тому же, якобы были «предприняты действия против независимой прессы, подчинившие себе общественные СМИ» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 239]. Следовательно деятельность президента подается как негативная, более того в следующем параграфе отдельно акцентируется, что «С 2004 г. общий уровень бедности не снизился, а в 2008 г. даже вырос, неравенство доходов в Молдове осталось таким же высоким, как и до прихода к власти коммунистов» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 242]. Зато последующие выборы и возвращение к «румынизму» воспеваются как возврат к демократии: «После выборов 29 июля 2009 г. демократические партии создали Альянс за европейскую интеграцию... В своей правительственной программе АЕИ-1 поставил задачу сделать Молдову «страной, имеющей право на вступление в Европейский союз»» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 239].

К тому же, если фигурирует проевропейская демократия, то обязательно фигурирует «беспрецедентная иностранная помощь» которая «позволила стабилизировать бюджет и приступить к реализации важных инвестиционных проектов...» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 242], и, следовательно,

«Предпринимаются конкретные шаги по приведению национального социально-экономического законодательства в соответствие с европейским и внедрению *acquis communautaire*, что поможет обеспечить устойчивый экономический рост» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 243]. А причиной всего стало, разумеется «широкомасштабное вооруженное нападение на Украину» [Долгий, Фея, Енчу, Ревенко-Бырладяну, 2024, с. 243].

Выводы

Процесс трансформации идентичности осуществляется через несколько техник: переписывание истории, секьюритизацию образа врага, создание нарратива о естественной европейской интеграции и маргинализацию альтернативных исторических интерпретаций.

В главном споре исторического нарратива между «молдовенизмом» и «румынизмом», учебник делает четкую ставку на последним.

Постулируются следующая идея: «Древний Рим—Бухарест—ЕС» как вариант эволюции румынского общества. Под «древним Римом» подразумевается длительная история румынской цивилизации, под «Бухарестом» — центр молдавского общества, под «ЕС» — цель Молдовы.

К тому же учебник целенаправленно не делает различий между румынами и молдаванами. События описаны таким образом, что плохо подготовленный читатель¹ начинает путаться, в результате чего воспринимает эти два народа как единое целое, чего, видимо, авторы учебников и добиваются.

Так же вплоть до девятого класса включительно, дается только «румынистский» нарратив, как бы создавая определенную базу мышления, а в учебниках с 10—12 классы, добавляется еще «антимолдовенистский» или «демолдовенизм». Следовательно «румынисты» позиционируют «молдовенистов» не как альтернативную точку зрения, а как потенциального врага, аналогичная ситуация была видна, когда «украинцы, не поддержавшие Евромайдан, были представлены его активистами не как политические противники, стремящиеся по-другому организовать общее символическое пространство, а как враги» [Байша, 2021, с. 7], что, как показывает все тот же украинский кейс, очень сильно дестабилизирует ситуацию в молдавском государстве, особенно учитывая внутриполитические проблемы с Гагаузией и ПМР.

Россия, в итоге, в учебнике превращается в главного молдавского антагониста. До событий 19 века о Российской империи пишется в условно нейтральном ключе, в дальнейшем ситуация меняется.

Негативно описывается и присоединение к империи и к СССР, как правило фигурирует слово аннексия, при этом главная причина в том, что по мнению авторов учебника молдаване стремились именно в Румынию. Сильно критикуется «русификация», через которую показывается агрессия русских правителей против простых молдаван.

---

¹ Автор имеет ввиду учащихся средней школы (~10—15 лет).

В описание Молдовы в составе СССР слышатся нотки виктимизации. Так с одной стороны учебник достаточно подробно описывает все положительные нюансы советского строя¹, с другой акцентируется либо на неудачах, либо на недовольстве мирного населения.

Итоговый посыл выглядит следующим образом, Молдова спокойно развивалась как часть Румынии, которая в свою очередь является наследницей Римской Империи, до тех пор, пока не пришла Россия, и насильственно отсоединила молдаван от румын, «придумав» молдавский язык, молдавскую культуру и пр.

С такими постулатами возникают следующие проблемы.

1. Минимизируется возможность инкорпорации Молдовы с ПМР, особенно если Молдавия пойдет путем Украины и запретит Русский язык. Так же нужно понимать, что, если произойдет военная интервенция на территорию Приднестровской Молдавской Республики, Москва будет вынуждена вмешаться в ситуацию, чтобы обеспечить защиту своих граждан, включая личный состав своего миротворческого контингента. В свою очередь, т. к. «согласно официальным данным свыше 600 тыс. молдаван и тысячи жителей Приднестровья имеют румынские паспорта» [Цедилина, 2024], в ситуацию может вмешаться Бухарест, которому может оказать помощь Североатлантический альянс, членом которого является Румыния. В такой ситуации, на данный момент², Кремль окажется перед необходимостью вести боевые действия сразу на два фронта. И хотя на сегодняшний день данный сценарий не выглядит особенно актуальным, нельзя исключать возможность такого развития событий в будущем.

2. Максимизируется возможность декорпорации с Гагаузией по вышеописанным причинам.

3. Ухудшатся политические отношения РФ—Молдова, особенно в экономическом вопросе, что очень не выгодно для простых молдаван.

4. Украинский конфликт подается как мировая угроза, и Молдова занимает в нем проукраинскую позицию, что дает ей возможность получить дополнительные кредиты от западных «союзников», но с учетом отсутствия нормальных рынков сбыта, например российского, возможность возвращения крайне низка, что снова дестабилизирует внутреннее состояние государства.

Результатом становится формирование поколения молодых молдаван, воспринимающих Европу как единственный возможный вектор развития и рассматривающих российское влияние как исторически враждебное. Следовательно политика памяти, таким образом, превращается в инструмент долгосрочной геополитической переориентации государства.

Библиографический список

Buzan B., Wæver O. *Regions and powers: The structure of international security*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 p.

---

¹ Имеется в виду вложения ресурсов в экономику МССР.

² Имеется в виду лето 2025 г.

Istoria românilor și universală: manual pentru clasa a VIII-a / A. Felea, A. Dolghi, I. Gumenai, A. Revenco-Birladeanu; Ministerul Educației și Cercetării al Republicii Moldova. Chișinău: Texter Info, 2024. 176 p.: il. ISBN 978-9975-3680-0-1.

Аксенов М.А. Конструирование идентичности как фактор секьюритизации на постсоветской Украине на примере анализа школьных учебников по истории // *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*. 2024. Т. 4. № 4. С. 41—58.

Воронович А.А. Роль европейской политики памяти в государственной исторической политике Молдовы и Украины в 2000-х годах // *Политическая наука*. 2018. № 3. С. 204—230.

Гудищенко Д. Другая Молдавия: молдовенизм как идеология и политическая практика // *Россия и новые государства Евразии*. 2024. № II (LXIII). С. 24—37. DOI: 10.20542/2073-4786-2024-2-24-37.

Байша О. А. *Дискурсивный разлом социального поля: уроки Евромайदानа*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 184 с. ISBN 978-5-7598-2190-8.

Байша О. А. *Дискурсивный разлом социального поля: уроки Евромайदानа*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 184 с. ISBN 978-5-7598-2190-8.

История румын и всеобщая: учебник для 11 класса / Н. Кикиуш, И. Шаров, И. Ожог [и др.]; пер. В. Младина [и др.]; Министерство образования, культуры и исследований Республики Молдова. Кишинэу: Cartdidact, 2020. 240 с.: ил., цв. ISBN 978-9975-3412-7-1.

История румын и всеобщая история: учебник для 10-го класса / Т. Магалия, Д. Вакарчук; Ministerul Educației și Cercetării al Republicii Moldova. Chișinău: Prut Internațional, 2024. 248 с.: ил., цв. ISBN 978-9975-54-832-8.

История румын и всеобщая история: учебник для 12 класса / А. Долгий, А. Феля, Н. Енчу, А. Ревенко-Бырладяну; науч. ред. А. Петрэнку; пер. с рум. В. Бражук; Министерство образования и исследований Республики Молдова. Chișinău: Știința, 2024. 304 с.: ил., табл., цв. ISBN 978-9975-85-485-6.

История румын и всеобщая история: учебник для 4 класса / П. Чербушка; Ministerul Educației, Culturii și Cercetării. Chișinău: Știința; Cartdidact, 2020. 76 с.: ил., карты. ISBN 978-9975-85-236-4.

История румын и всеобщая история: учебник для 5-го класса / А. Феля, А. Долгий, К. Герасим, А. Ревенко-Бырладяну; пер. М. Шикирлиская; Ministerul Educației și Cercetării al Republicii Moldova. Chișinău: Blitz Poligraf, 2023. 176 с. ISBN 978-9975-3645-5-3.

История румын и всеобщая история: учебник для 6 класса / А. Феля, В. Болдума, А. Долгий; пер. Т. Заиковская; Министерство образования и исследований Республики Молдова. Chișinău: Blitz Poligraf, 2023. 160 с.: ил., цв. ISBN 978-9975-3638-7-7.

История румын и всеобщая история: учебник для 7 класса / П. Чербушка, Е. Драгнев, И. Ожог; пер. с рум. Г. Гумен; Ministerul Educației și Cercetării al Republicii Moldova. Chișinău: Știința, 2024. 136 с.: ил. ISBN 978-9975-85-479-5.

История румын и всеобщая история: учебник для 9-го класса / А. Долгий, А. Феля; пер. Л. Вдовиченко; Ministerul Educației și Cercetării al Republicii Moldova. Chișinău: Univers Educațional, 2023. 212 с. ISBN 978-9975-3640-4-1.

Кушко А. «Политика памяти» и «историческая политика» в постсоветской Молдове // *Историческая политика в XXI веке: сб. ст. / под ред. А. Миллера, М. Липмана*. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 256—291.

Лёвкина Ю.Ю., Алимпиева А.В. Дискурсы идентификации и проблема конструирования идентичности // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2015. № 12. С. 89—96.

Байша О. А. *Об интегральном измерении украинского кризиса: иллюзия виртуальности и реальность иллюзий*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. 144 с. ISBN 978-5-7598-2980-5.

Офицеров-Вельский Д. «Войны памяти»: Румыния навязывает Молдове альтернативную историю Второй мировой // *Евразия Эксперт*. URL: <https://eurasia.expert/kak-rumuniya-navyazuet-moldove-svoyu-kartinu-istorii-vtoroj-mirovoj/> (дата обращения: 30.11.2025).

Фадеева Л.А., Плотников Д.С. Проблемная европейская идентичность Молдовы: «бои за историю» // *Современная Европа*. 2017. № 6 (78). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problem-naya-evropeyskaya-identichnost-moldovy-boi-za-istoriyu> (дата обращения: 12.06.2025).

Педилина Е. Украинский синдром Кишинева // *Россия и новые государства Евразии*. 2024. № II (LXIII). С. 9—23. DOI: 10.20542/2073-4786-2024-2-9-23.

References

Buzan B., Wæver O. *Regions and powers: The structure of international security*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003, 564 p.

Felea A., Dolghi A., Gumenai I., Revenco-Birladeanu A. *Istoria românilor și universală: manual pentru clasa a VIII-a*. Chișinău: Texter Info, 2024, 176 p. ISBN 978-9975-3680-0-1.

Aksenov M.A. Konstruirovaniye identichnosti kak faktor sekyuritizatsii na postsovetsoi Ukraine na primere analiza shkol'nykh uchebnikov po istorii. *Caspium Securitatis*, 2024, vol. 4, no. 4, pp. 41—58. (In Russian).

Voronovich A.A. Rol' evropeiskoi politiki pamiaty v gosudarstvennoi istoricheskoi politike Moldovy i Ukrainy v 2000-kh godakh. *Politicheskaya nauka*, 2018, no. 3, pp. 204—230. (In Russian).

Gudimenko D. Drugaya Moldaviya: moldovenizm kak ideologiya i politicheskaya praktika. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*, 2024, no. II (LXIII), pp. 24—37. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2024-2-24-37>. (In Russian).

Baisha O.A. *Diskursivnyi razlom sotsial'nogo polia: uroki Evromaidana*. Moscow: HSE Publishing House, 2021, 184 p. ISBN 978-5-7598-2190-8. (In Russian).

Baisha O.A. *Diskursivnyi razlom sotsial'nogo polia: uroki Evromaidana*. Moscow: HSE Publishing House, 2021, 184 p. ISBN 978-5-7598-2190-8. (In Russian).

Kikush N., Sharov I., Ozhog I. et al. *Istoriya rumyn i vseobshchaia: Uchebnik dlia 11 klassa*. Chișinău: Cartdidact, 2020, 240 p. ISBN 978-9975-3412-7-1. (In Russian).

Magalias T., Vakarchuk D. *Istoriya rumyn i vseobshchaia istoriia: Uchebnik dlia 10-go klassa*. Chișinău: Prut Internațional, 2024, 248 p. ISBN 978-9975-54-832-8. (In Russian).

Dolgii A., Felea A., Enchu N., Revenko-Byrladeanu A. *Istoriya rumyn i vseobshchaia istoriia: Uchebnik dlia 12 klassa*. Chișinău: Știința, 2024, 304 p. ISBN 978-9975-85-485-6. (In Russian).

Cherbushka P. *Istoriya rumyn i vseobshchaia istoriia: Uchebnik dlia 4 klassa*. Chișinău: Știința; Cartdidact, 2020, 76 p. ISBN 978-9975-85-236-4. (In Russian).

Felea A., Dolgii A., Gerasim K., Revenko-Byrladeanu A. *Istoriya rumyn i vseobshchaia istoriia: Uchebnik dlia 5-go klassa*. Chișinău: Blitz Poligraf, 2023, 176 p. ISBN 978-9975-3645-5-3. (In Russian).

Felea A., Bolduma V., Dolgii A. *Istoriya rumyn i vseobshchaia istoriia: Uchebnik dlia 6 klassa*. Chișinău: Blitz Poligraf, 2023, 160 p. ISBN 978-9975-3638-7-7. (In Russian).

Cherbushka P., Dragnev E., Ozhog I. *Istoriya rumyn i vseobshchaia istoriia: Uchebnik dlia 7 klassa*. Chișinău: Știința, 2024, 136 p. ISBN 978-9975-85-479-5. (In Russian).

Dolgii A., Felea A. *Istoriya rumyn i vseobshchaia istoriia: Uchebnik dlia 9-go klassa*. Chișinău: Univers Educațional, 2023, 212 p. ISBN 978-9975-3640-4-1. (In Russian).

Kushko A. “Politika pamiaty” i “istoricheskaya politika” v postsovetsoi Moldove. In: Miller A., Lipman M. (eds.) *Isticheskaya politika v XXI veke*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012, pp. 256—291. (In Russian).

Levkina Yu.Yu., Alimpieva A.V. Diskursy identifikatsii i problema konstruirovaniia identichnosti. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2015, no. 12, pp. 89–96. (In Russian).

Baisha O.A. *Ob integral'nom izmerenii ukrainskogo krizisa: illiuziia virtual'nosti i real'nost' illiuzii*. Moscow: HSE Publishing House, 2024, 144 p. ISBN 978-5-7598-2980-5. (In Russian).

Ofitserov-Vel'skii D. “Voiny pamiati”: Rumyniia naviazyvaet Moldove al'ternativnuiu istoriiu Vtoroi mirovoi. *Evraziia Ekspert*. Available at: <https://eurasia.expert/kak-rumyniya-navyazyvaet-moldove-svoyu-kartinu-istorii-vtoroy-mirovoy/> (accessed 30.11.2025). (In Russian).

Fadeeva L.A., Plotnikov D.S. Problemnaiia evropeiskaia identichnost' Moldovy: “boi za istoriiu”. *Sovremennaia Evropa*, 2017, no. 6 (78). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnaya-evropeyskaya-identichnost-moldovy-boi-za-istoriyu> (accessed 12.06.2025). (In Russian).

Tsedilina E. Ukrainskii sindrom Kishineva. *Rossiiia i novye gosudarstva Evrazii*, 2024, no. II (LXIII), pp. 9–23. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2024-2-9-23> (In Russian).

Поступила в редакцию: 02.12.2025

Принята к публикации: 20.12.2025

Received: Dec 2, 2025

Accepted: Dec 20, 2025